

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Ко дню рождения Лии
Ахеджаковой и Андрея Мягкова

Независимая газета. — 1998.
— 8 июля. — с. 7

Екатерина Барабаш,
Григорий Заславский

АКТЕРЫ, случается, обижаются, когда их сравнивают друг с другом, не любят, когда в их присутствии хвалят других. Один известный и народный артист как-то сказал: «Вдвойне спасибо, — не столько даже приятно, что тебя похвалили, сколько, что других при этом поругали». Но тут сама жизнь сблизилась их дни рождения — два юбилея: Андрей Мягков празднует сегодня, Лия Ахеджакова — завтра. Что еще, кроме этой чистой «механики», может объединить этих актеров?

В таких случаях говорят, — сама жизнь. Их объединяет не только работа в «Современнике», с которым Ахеджакову связывает долгая жизнь, в котором в год она играет по премьере; для Мягкова «Современник» — все-таки эпизод, хотя, конечно, важный в его актерской биографии. С начала семидесятых он во МХАТе, с Ефремовым. Играет в очередь с ним Зинова в «Утиной охоте», Войничского, Аладина — в «Перламутровой Зинаиде»...

Вместе они играли в кино, скорее всего на память приходит, конечно, «Ирония судьбы...». Мягков играл там самую главную роль, у Ахеджаковой — эпизод. Но ее роль — не эпизодическая. Важная, как и все другие ее роли в фильмах Рязанова. В «Гараже», например, где они снова были

вместе. Эта учительница ее, как и младший научный сотрудник, специалист по змеям из «Гаража», как и ее Шарлотта из старого «Вишневого сада» Галины Волчек, как и крановщица из «Обратной связи» (производственная драма Александра Гельмана), — женщины с неустоенной судьбой, с несчастной судьбой, чтобы быть точным. Умеющие улыбаться, но даже в улыбке не расстающиеся с печалью, навечно поселившейся в ее глазах.

О ней не раз писали — клоунеса, актриса гротеска, острой краски, эксцентрической природы, выводя ее печальное «циркачество» из традиции Федерико Феллини, «ошинелившего» веселое и бесшабашное цирковое искусство. При этом терялось из виду, что фильмы Феллини и спектакли «Современника» выходили в одно время.

Она не требовала от зрителей любви и не влюбляла в своих героинь, потому что всегда сохранялась дистанция между страданием и нашей на то реакцией расчитанной. Дистанцию эту она умела держать.

Не сказав пока почти ни слова о Мягкове, попробуем их снова соединить. И Мягков, и Ахеджакова всю свою актерскую жизнь заступались за нас, маленьких людей Большой Империи. И с нами шли до конца, — Ахеджакова, когда «опустилась и окончательно деградировала» вместе со всей советской интеллигенцией, сыграв Нищенко в фильме Рязанова «Небеса обетованные»;

Лия Ахеджакова.
Фото Валерия Киселева (НГ-фото)

Мягков — когда сыграл в другой картине Гайдая эмигранта-мафиози, в прошлом артиста «больших и малых театров».

Говорят, что в 1975 году, когда по телевизору прошла «Ирония судьбы, или С легким паром!», женское население Советского Союза поголовно влюбилось в Андрея Мягкова, он же Женя Лукашин. В почте оказался самый что ни на есть лирик-бессребреник, врач-хирург с суточными дежурствами, пьяный на протяжении почти всего фильма, моментами противный, занудный и депотичный. Заодно выяснилось, что «герой романа» может быть вовсе не высоким, красивым, спортивным, и даже не скромно-обаятельным физиком-ядерщиком вроде героя Баталова из «Десяти дней одного года». Мягков скрасил издержки рязановской «Иронии судьбы», все ее затянутости и психологически-сценарные нестыковки.

Потом был «Служебный роман», где чудный тандем Мягков — Фрейндлих из просто смешной, незатейливой историйки, прошедшей к тому времени по многим сценам страны (пьеса Брагинского называлась «Сослуживцы»), — где-то заметно, где-то так себе — сделали веселую, грустную и красивую сказку. Над ней плакали женщины немолодого воз-

раста и смеялись все остальные. Уж что-то, а это он умеет — чтобы над ним плакали слезами умиления и сентиментальности. Может, поэтому его Алексей Турбин в постановке Владимира Басова столь негероичен, а скорее, просто умирительно праведен. И поэтому так его жалко в конце.

Может, поэтому и Карандышев в «Жестоком романсе», который мог выйти фигурой страшной в своем ничтожестве, тоже вызывает жалость, и, пожалуй, даже Ларису не так жалко — мол, обидела человечка. Кстати, там, на съемках «Жестокого романа», свалилось на Андрея Васильевича «счастье» невиданное. В той сцене, где Карандышев неистово гребет на лодке в сторону «Ласточки», лодка, в которой сидел Мягков, перевернулась, и его засосало под лопасти гребного колеса. Обычно выжить в такой ситуации не удавалось никому. Его не было на поверхности очень долго, да, собственно, никто и не ждал — думали, где искать тело. Неожиданно живой и невредимый Карандышев-Мягков без единой царапины, выплыл в нескольких десятках метров по течению. Невероятно. С того момента он верит в Бога (но, слава Богу, не покинул сцену по этой веской причине, как некоторые богомольные его коллеги).

Андрей Мягков.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)